

Неоматериализм

Предуведомление переводчицы

Публикуемый текст был написан как статья и позже включен в книгу *New Materialism: Interviews & Cartographies* (2013), состоящую из 4-х интервью с Мануэлем Деланда, Розой Брайдогги, Карен Барад и Квентином Мейасу, переосмыслявших концепт материализма в последние два десятилетия и нескольких аналитических глав, анализирующих генеалогию понятий неоматериализма.

Ирис Туин и Рик Дольфин работают в университете Утрехта, а также ведут исследования и читают курсы в университетах других стран.

Важно отметить, что философская ориентация «утрехтской школы» испытала влияние философии Розы Брайдогги (и в целом «постделезианского поля и феминистской эпистемологии»), которая инициировала набор программ и институтов: Центр гендерных исследований (1998), была директором Нидерландской школы женских исследований, основала Утрехтский центр гуманитарных исследований, а также межуниверситетскую сеть Erasmus для женских исследований.

В начале 2010х в поле новой философии образовались два вполне отчетливых движения: неоматериализм и спекулятивный реализм. Если спекулятивный реализм работает с переинтерпретацией «школьной» философской традиции и отказом от онтологии достаточных оснований, то неоматериализм переосмысляет традицию междисциплинарных исследований, когда в фокусе оказываются не предметные области, а аналитические и конструирующие операции и их перевод между дисциплинами естественных и гуманитарных наук. В генезисе неоматериализма можно найти марксизм, теории систем, феминистскую эпистемологию, социологию знаний, философию техники и экологию.

Наиболее значимой проблемой неоматериализма можно считать отказ от субъектоцентризма в форме языка или привилегированного экзистенциального опыта субъекта. Наоборот, новый материализм исследует запутанность и связность множества агентов (человеческих и нечеловеческих), логики и гомологии междисциплинарных связей.

Предлагаемая глава работает с понятием трансверсальности, т.е. сечением дисциплинарно замкнутых областей с целью развернуть другую логику связности.

В моем видении, неоматериализм повторяет вопросы дискуссий 20х годов между механистами и диалектиками, и этим может быть интересен для перезапуска постсоветских исследований.

Алла Митрофанова

*Трансверсальность нового материализма**

Рик Дольфийн, Ирис ван дер Туин

Мануэль Де Ланда и Роззи Брайдотти, независимо друг от друга, начали использовать термин неоматериализм или новый материализм во второй половине 1990-х в рамках культурной теории, которая не признает привилегированности культуры, а фокусируется на том, что Донна Харауей (2003) называла “природокультура”, а Бруно Латур ([1991] 1993) просто определял как “коллективы”. Термин предлагает культурную теорию, которая радикально перепродумывает дуализм, еще столь характерный для нашего (пост)модернистского мышления, и потому наш анализ начинается с того, как эти оппозиции (природа и культура, материя и разум, человек и не-человек) производятся взаимным действием. Такой подход глубоко заинтересован в морфологии изменений и придает особое внимание возникновению материальности, тому, чем пренебрегало дуалистическое мышление. В тоже время, появившись на свет, мы уже где-то и с кем-то мат(ь)ериально связаны (Брайдотти 2002b с.170). Это объясняет почему одновременно с интересом к науке, видимым у Латура и Де Ланда, эмансипация матери(и) это также и феминистский проект [1].

Для тех, кто знаком с материализмом Вальтера Беньямина, «новый материализм» может восприниматься иронично по нескольким причинам. Анализируя современность, Беньямин ([1982] 2002, 22) критикует фетишизацию новизны, и содержащуюся в ней иллюзию. Поскольку, как он полагает, “**Новизна** есть качество, независимое от потребительской стоимости товара”, поэтому подстановка к материализму “новый” не имеет никакого смысла. Но конечно, это не причина, по которой мы должны связать себя линейной модернистской концепцией Истории, особенно, если вслед за Латуром ([1991] 1993, 82), мы будем утверждать, что “история не является уже просто историей людей, но становится также и историей природных

* Перевод Аллы Митрофановой выполнен по изданию Rick Dolphijn and Iris van der Tuin. *New Materialism: Interviews & Cartographies*. Ann Arbor: University of Michigan Library, 2013. Редакция благодарит Ирис ван дер Туин и Рика Дольфийна за разрешение опубликовать этот текст в журнале «Гендерные исследования».

объектов”. Поэтому критика Беньямина может быть отложена в сторону. Новизна, которая нас интересует, не является улучшенной и усовершенствованной версией “старого” (марксистского исторического) материализма. Де Ланда, например, ясно дает понять, что он переписывает марксизм с его (гуманизмом) и переосмысляет материальность (хотя Беньямин также предлагает нам множество путей выхода из этой ловушки). Поэтому Де Ланда пишет свою знаменитую книгу “**Тысяча лет нелинейной истории**” (1997) в которой он начинает разрабатывать “другую” историю, связанную с историей вещей, как предлагал Латур (Харман, 2008).

В нашей книге читателю представляется не столько история, но скорее, как говорит Брайдотти, картографирование того, как материализм становится новым материализмом, соединяя гуманитарный и естественнонаучный подходы одновременно. Конечно, это не значит, что мы исключаем историю, время и память; приводимые тексты читаются в перспективе их значимости и ценности для небинарного, материалистического направления в современной мысли, независимо от времени, когда они были задуманы. То, что мы находим интересующий нас новый материализм в Этике Спинозы не является проблемой. Бенедикт Спиноза в 1677 году провозгласил, что сознание есть идея тела, делающая тело необходимым объектом сознания. Сознание и тело есть та же самая вещь, как он настойчиво повторял. Это и есть наиболее интересный вклад в мышление нового материализма. Наша книга исследует то, как этот тезис развивался в философии у авторов, которых мы представили в серии интервью, но и у других и в том числе более ранних: Симона де Бовуар, Анри Бергсон, Альфред Уайтхед, Брайан Массуми и др.

Есть причина, почему книга о новом материализме пишется сейчас. В последние годы новый материализм оказался способен противостоять трансцендентальной традиции и гуманизму, которые, утвердившись на рубеже постмодернизма, захватили культурную теорию. Но сопротивление бинарного мышления опирается на глубоко залегающие привычки “здорового смысла”. Дебаты, открытые новыми материалистками, (см. феминистскую полемику об отступлении от материализма в работах Батлер (Кирби, 2006)), теперь уже продолжают с сосюрровско/лакановской традицией, унаследованной медиа и культурными исследованиями. Последние в свою очередь, как показала Барад, стимулировали от противного формулировку ее теории “агентного реализма”. Но в начале XXI века новый материализм предложил, кажется, более чем равную альтернативу для гуманитарных исследований. Возможно, впервые в своей истории эта «маргинальная традиция» в мышлении (как выразился Жиль Делез) обращает на себя внимание,

освобождая себя от платонизма, христианской и модернистской власти, от которой она страдала на протяжении столь длительного времени.

В работах Брайдотти и Де Ланда было сделано новое прочтение и изменен контекст интерпретации нескольких французских философов, близко связанных с 68 годом (включая Мишеля Фуко, Люс Иригарей, Делеза и Гваттари). В особенности работы Делеза (Гваттари) получили новую актуальность. В ранних работах Делез старался показать, что материалистическая философия, которую он предлагал, была не столько новой, сколько встроенной в богатую традицию маргинальной философии. Через тексты философов Спинозы, Ницше и Бергсона, а также писателей Пруста и Кафки Делез сделал попытку переписать историю мышления таким образом, чтобы придать значение тем авторам, которые считались маргиналами своего времени. Еще в начале исследований Делез поставил в центр своих интересов перепрочтение радикального мышления Спинозы, показав как можно в философии предложить другой способ мышления - а именно философию тела. Таким образом, проходя от одной философии тела к другой в новых работах, Делез (или совместно с Гваттари) начал разрабатывать монистский / материалистический способ мышления, чем создал плодотворную базу для нового подхода Брайдотти и Де Ланда.

Как наиболее верный сторонник Делеза и Гваттари, Де Ланда в своих ранних версиях нового материализма продолжал утверждать, что концепт “абстрактных машин” схватывает процесс не нуждаясь в определении субстанции. Процесс может быть показан в конкретных ассамбляжах в биологии, социологии и геологии, и это возможно сделать таким образом, который позволит культурной теории уйти от привязки к языку (лингвистического репрезентационализма) в “сферу технологических диаграмм”, где «абстрактные машины» оказываются распределены с физическими ассамбляжами, между физическими компонентами в технологических объектах и “природными атмосферными процессами” (Де Ланда, 96). Так новый материализм вовлекает имманентность, и, как следствие, ломает не только дуализм сознание-материя или природа-культура, установленные трансцендентальным мышлением, но также и структуру и телеологию (т.е. детерминизм):

Очень специфический концепт “абстрактных машин” отсылает к новой материалистической философии, в которой материя и энергия через различные виды процесса самоорганизации и силы морфогенеза генерируют все окружающие нас структуры. Кроме того, созданные структуры перестают быть первичной реальностью, материально-энергетические потоки получают особый статус. (Де Ланда, 96)

Способ мышления, которым материя объявлялась первичной, в версии Де Ланда трансформируется в понимание материи как генеративной. Теперь уже не материя противопоставлена значению, а материальность в своем становлении одновременно репрезентации / материализации, т.е. процессу симультанно – материальному и репрезентационному. (Cheah 1999, Barad 2007)

Брайдотти представила новый материализм или “более радикальный смысл материализма” как “перепродумывание структуры телесной субъективности после Фуко” (Брайдотти 2000, 158). Учитывая, что она идет от богатой материалистической традиции австралийского феминизма, ее “после Фуко” не должно прочитываться как “уход от Фуко”, несмотря на то, что и она и Де Ланда (как и другие новые материалисты) признают вслед за Фуко, что “однажды наш век будет признан веком Делеза”.

Кусок мяса, оживленный электрическими волнами желания, текст, написанный разворачиванием генетического кода. Ни сакрализованное внутреннее святилище, ни чистая социально-формальная сущность, но имеющий телесность делезианский субъект, скорее находится “между” ними: он подвержен внешним влияниям и одновременно утверждает вовне свой аффект. Подвижная сущность, воплощенная в телах память, которая повторяется и способна удержать верность себе во множестве вариантов и прерываний. Т.о. делезианское тело – это воплощенная память. (Braidotti, 2000, 159)

Помимо имманентности нового материализма, качественно меняющего многие подходы культурной теории (критически демонстрирующие ограничения трансцендентализма) здесь есть установка на проникновения и запутанность прежних бинарных оппозиций (intra-acting) технологического и природного. Брайдотти называет это “пост-гуманистическое затруднение”, которое влечет за собой “намного больше, чем просто утрату натуралистической парадигмы” (там же, 159). Внесение природы в культурную теорию не делает новый материализм готовым к принятию онтологии позитивистской естественной натурфилософии. Одним из столпов нового материализма стало утверждение, что современные естественные науки и постмодернистские гуманитарные науки остаются слишком гуманистическими (Colebrook, 2004). В исследованиях Брайдотти общий гуманистический субъект биологического детерминизма и социально-

го конструктивизма меняется на пост-гуманистический субъект, что влечет за собой принципиальный отказ от двух полюсов современной эпистемологии: позитивизма и постмодернизма (Haraway, 1988).

В своей дальнейшей работе Де Ланда и Брайдотти продолжали развивать новый материализм, выбрав в качестве своей главной мишени бинарные оппозиции. Работа с целью выхода из дуализма, по-видимому, является ключом к новому материализму. Дуализм понимается прежде всего как принцип, структурирующий трансцендентальные и гуманистические традиции, которые они хотят преодолеть в своей работе. Первенство ума над материей или культуры над природой – это трансцендентальный жест следующий гуманистической и диалектической мысли. При том, что постмодернизм обычно рассматривается как преодоление недостатков позитивизма и социального конструктивизма, он работает также с преодолением биологического детерминизма. Опора на диалектику была им понята как эффект того, что Линн Ханкинсон Нельсон (Nelson 1993, 127-8) назвала «нереальными дихотомиями» или «не исчерпывающими оппозициями». Нельсон показала, что один полюс дихотомии или бинарной оппозиции всегда уже подразумевается в другом как его отрицание, что делает дихотомии нереальными, а оппозиции – не исчерпывающими. По словам Мишеля Серра:

Идея, противоположная другой идее, – это та же самая идея, хотя и с отрицательным знаком. Чем больше вы противопоставляете их друг другу, тем больше вы остаетесь в одной и той же структуре мышления (Serres цит. по Latour 1995, 81).

“Интимная” связанность между двумя так называемыми “оппозициями” дает понять, что трансцендентальные и гуманистические тенденции, с которыми ведут борьбу новые теоретики-материалисты, принципиально ограничительны. В конце концов, их взаимное отрицание удерживает то отношение зависимости трансцендентальной гуманистической мысли от дуализма, которое как раз и должно быть отменено. Пытаясь преодолеть редукцию дуалистического мышления, Деланда в “Новой философии общества” дает следующие тезисы:

Категории общего не обращаются ни к чему в реальном мире... Принять их (т.е. конкретизировать и материализовать) – это значит выйти прямо к эссенциализму. Социальный конструктивизм, как предполагается, служит антидотом этому подходу в том смысле, что

показал бы категории общего как не более чем стереотипы, но он заблокировал движение к их материализации. Так, соединив мысль о том, что восприятие является зависимым от языка (лингвистицизм) с онтологическим допущением, что только содержание опыта реально существует, эта позиция привела прямо к социальному эссенциализму. (Деланда (2006) 2018, 59-60 [перевод изменен])

Лингвистический подход, который не отрицается, но получает у Деланда свое надлежащее место, т.е. место более скромное, тем не менее задает последовательность недуалистических аргументов к новому материализму. Анти-репрезентационализм (имманентный жест) используется для преодоления предполагаемой бинарной оппозиции между эссенциализмом реалистов и социальным конструктивизмом. Но из-за того, что линейная причинность, предопределение и ограничение в рассуждении сохраняются (или, по крайней мере, вынужденно включены в общеупотребимое, хотя и неразрешимое [3] понятие причинности, которое проникает во все его измерения), нельзя утверждать, что новый материализм представляет собой простой шаг за пределы социального конструктивизма прогрессивным способом. Согласно Деланда, новый материализм не является ни реализмом, ни социальным конструктивизмом. Но общее в подходах реализма и социального конструктивизма, распознается из принципиально другого решения.

Брайдотти (2006, 130; Rossini 2006) теоретизирует подобный ход в “Транспозициях”, но с ясным фокусом на феминистских политиках:

В политической экономии фаллогоцентризма и андро-центрического гуманизма, который предписывает суверенность Самости в модальности воображаемого универсализма, мой пол оказывается на стороне Иного, понимаемого как уничижительное различие или обесцененное существование. Становление – животным / становление миром, обращенное к моему феминистскому “я”, к той части меня, которая определяется гендером и его историческом опытом языка, никогда не завершается полным гуманистическим признанием, поэтому моя связь с этой категорией спорна и никогда не будет восприниматься как нечто само собой разумеющееся.

Это не эссенциалистская установка и не семиотический конструктивизм. Это скорее материалистическое признание исторического положения: изначальная позиция властного асимметричного различия. Такая локализация не только геополитическая, но также ге-

неалогическая и темпоральная, принадлежит конкретному времени. (Braidotty 2006, 130; Rossini 2006)

Требование Брайдотти является анти-репрезентационизмом в двух отношениях. Прежде всего, она отбрасывает биологический (равно как и платоновский) эссенциализм и «семиотический конструктивизм» (как релятивизм) тем же способом, что и Де Ланда. Во-вторых, создается новый концепт феминистской политики, который не базируется на дуалистическом подходе создания контр-идентичности – модернистский феминистский проект. Но это и не постфеминистский проект, который, пытаясь выйти за рамки дуализма, создавал множество контр-идентичностей согласно движению к плюрализму (восстанавливая этим релятивизм). Феминистки должны пойти дальше и продвинуть более сильную де-территориализацию (там же, 134), т.е. показать, что становление-животным / становление-миром влечет за собой разрыв натурализации, понятой как сексистский аспект гуманизма, так и де-натурализации современных и постмодернистских феминизмов.

То, что мы находим в работах Де Ланда и Брайдотти, – это серия шагов, которые усложняют теорию культуры, понятую из перспективы привычного дуализма. Мы утверждаем, что примеры имманентных философий Де Ланда и Брайдотти (хотя и не исключительно), как в ранних, так и в недавних работах, демонстрируют примеры создания и принятия их новой материалистической культурной теории.

Эта глава посвящена созданию теории нового материализма как особого объекта исследования и разделяет позиции тех философов, чьи работы мы рассматриваем. Следуя интервью в первой части этой книги и опираясь на широкий обзор утверждений и подходов нового материализма в недавней культурной теории, эта глава предполагает, что имманентный жест нового материализма трансверсален, а не дуалистичен. Этот жест пересекает академические (нео) дисциплины (например, феминистскую теорию, исследования в области науки и техники STS, а также медийные и культурные исследования). Он также пересекает и парадигмы (например, лингвистическую Соссюра / Лакана, которая до сих пор распространена в современной теории культуры, или дуалистическое разделение естественных и гуманитарных наук), и линейные пространственно-временные различия, условно связанные с эпистемическими тенденциями, например, «новый» материализм по сравнению с историческим материализмом марксизма, как это практикует Беньямин. [4] Наш тезис состоит в том, что новый материализм сам по себе является отличной тенденцией как в феминистской теории, так и в культурной теории в более широком смысле, а также средс-

твом и инструментом для открытия другой теории формирования. Можно сказать, что новый материализм позволяет обращаться к традиционной эпистемологии, которую можно обобщить как классификацию или территориализацию (когда новая тенденция появляется на академической сцене ее обычно интерпретируют как «класс», который можно добавить к существующей эпистемологической классификации). Но новый материализм так же и в то же время пригоден для де-территориализации академических территорий, племен и темпоральностей, которые традиционно считаются неизблемыми для исследователей. В конце концов, классическая стратегия отлично иллюстрирует трансцендентализм и две тенденции дуализма (последовательная негативность и повествование о прогрессе). Брайдотти суммировала необходимость этого двойного движения как «качественный переход» к «созданию условий для реализации трансверсальности». (Braidotti, 2006,123) В этой главе мы намерены подтвердить трансверсальность нового материализма. То есть, мы изучаем и предлагаем новый материализм, который имманентным образом “проходит сквозь” или пересекает бинарные оппозиции.

Феликс Гваттари ([1964] 1984) сформулировавший термин трансверсальность еще в 1964 году, настаивал на ее “микropolitической” природе. Она предлагалась как средство для поиска нового: не для критики старого, но для радикального вопрошания (размыкания) всех барьеров, которые поддерживали прежнюю логику. “Трансверсальность это перенос, который становится транспортным средством” делает вывод Гари Дженоско (Genosko, 1996, 15). Сила нового материализма это именно такое номадическое перемещение по территориям естественных и гуманитарных наук, представляющее агентную или не-невинную [5] природу материи, что, похоже, позволяет избежать как модернистской (позитивистской), так и пост-модернистской гуманистической эпистемологии.

Создание нового материализма: зависимость от классических дисциплин

Несмотря на то, что мы хотим показать здесь, что трансверсальность - это первый обязательный термин, введенные теоретиками культуры нового материализма, который заключается в пересечении границ классических дисциплин, тем не менее существуют многочисленные исследователи, которые работают над новым материализмом из уважаемых позиций существующих научных дисциплин. Но, когда новый материализм сам приобретает свойства конкретной дисциплины, его возможности теряются

в неоправданно узком понимании. Введение нового материализма в границы старых дисциплин необходимо вызывает трансцендентальный жест, согласно которому и новый материализм и конкретная дисциплина (например, социология) позиционируются как уже определенные и существующие, нежели становящиеся в процессе, и следовательно они скорее понимаются как интер-активные (взаимодействие между уже заданными сторонами), а не как интра-активные (формируемые конфигурации в процессе взаимного воздействия (intra-acting)). Другими словами из-за предустановленного раскола или дуализма, в подобных исследованиях трансверсальность нового материализма скорее отменяется, чем применяется. Трансверсализировать можно только тогда, когда постоянно «сдвигаются сами рамка анализа», как выразился Джонатан Гил Харрис (Harris, 2003,[1] 281).

Момин Рахман и Анн Витц (Rahman, Witz, 2003, 245) в работе «Что действительно имеет значение? Ускользящее свойство материальности в феминистской теории», отталкиваясь от феминистских социологических исследований, утверждают, что «необходимо признать как пределы конструктивизма, основанного на материализме, так и его потенциал, который разворачивает материальность как более пористую и гибкую концепцию». Рахман и Витц признают сдвиг, порожденный новым материализмом (концептуализация «материальности»), и утверждают, что та концептуализация материализма, которая разрабатывалась в ранней феминистской социологии, была сложнее, чем просто экономическая концептуализация. Такая картография соответствует тому, что мы хотим здесь представить. Если новый материализм произвел качественный сдвиг в культурной теории в целом, то этот сдвиг является трансверсальным, а не дуалистическим. Находя неожиданные и противоречивые альянсы между старым и новым, Рахман и Витц утверждают, что ранние феминистки расширили определение экономически детерминированного материализма, включив в него социальные отношения и домашнюю сферу. Тем самым они включили материальность в исследования повседневных и институциональных практик (там же, 250). Вследствие этого авторы полагают, что по словам Батлер «различие между материальным и культурным не является стабильным или жизнеспособным» (там же, 249), и что феминистская социология 1970-х и 1980-х годов не обязательно работала в соответствии с таким различием. Они находят, что феминистский материализм второй волны в работе Батлер функционировал как соломенное пугало.[6] Рахман и Витц считают, что качественная феминистская социология шла по линии расширенной концептуализации материала.

Вместе с тем они утверждают, что добросовестная феминистская социологическая работа просто добавила новые (релятивистские, по их опре-

делению) теоретические рамки к существующему экономическому определению материализма. Они задаются вопросом, будет ли в таком контексте «особая материальность материализма иметь какую-либо остаточную концептуальную дополняемость» (там же, 252). Другими словами, они натываются на проблемы добавочных / количественных эпистемических подходов, особенно, когда два разных количественных подхода не являются оппозициями. Мы утверждаем, что добавление так называемой феминистской постмодернистской эпистемологии с релятивистскими склонностями к современной эпистемологии (феминистской или нет, материалистической или нет) не обязательно приводит к качественному изменению современного феминистского постмодерна.

Вот почему вопрос о концептуальной дополняемости оправдан только в случае картографии Рахман и Витц, но не в контексте нового (феминистского) материализма как такового. Концептуализация «материальности», с которой связаны социологи Рахман и Витц, не обязательно переносит термин на то, что отличается от экономического подхода, просто из-за того, что ранние феминистские социологи добавили телесную материальность в экономику.

Материализм, предложенный Рахман и Витц, по сравнению с экономическим (неоклассическим) материализмом, сохраняет конструкционистский подход, и хотя Де Ланда в данном нам интервью говорит, что он должен быть отмечен как «новый» в телеологическом смысле понятия, мы же утверждаем, что телеология (разделяемая реалистами / тоталитаристами / модернистами и социальными конструктивистами / релятивистами / постмодернистами с их эпистемологиями) распадается в новом материализме. Рахман и Витц также стремятся к прорыву линейной непрерывности, но они остаются в дуалистическом режиме (опираясь на уже установленное разделение социального и физического), и это мы должны интерпретировать как продолжающееся применение подхода территориализации к формированию новой теории:

Социальный конструктивизм, над которым мы работаем, - это не то, что ограничено физической материей, наоборот это способность принять телесную материальность как неотъемлемую часть жизненного, гендерного опыта и действий. [...] Нам представляется, что это и есть способ рассмотреть *социальную* эффективность физической материальности как воплощения того, что было получено в опыте и наделено значением в гендерных и сексуализированных рамках смысла и исполнения (там же, 256).

Таким образом, Рахман и Витц воспроизводят дуализм на протяжении всей своей статьи. Здесь в качестве отправной позиции выступает оппозиция между новым материализмом и социологией, а как конечный результат – оппозиция между физической реальностью и социальной жизнью. Похоже, что они хотели спасти (добротную) феминистскую социологию в свете нового материализма в телеологическом смысле этого термина. [7] Анализируя их статью, мы показываем, что такой подход не позволяет сделать изменения понятий, которые мы находим в работе Брайдотти и Деланды, качественным. Предложенная материальность по-прежнему сводится к тому, чтобы быть бинарной оппозицией социальности, т. е. материальное здесь должно служить социальной эффективности, вместо того чтобы рассматривать социальное и материальное как со-конститутивные силы, по типу «абстрактной машины». Мы понимаем, что это отсутствие вызвано принадлежностью авторов к дисциплинарной территории. Появление нового материализма (здесь предполагается, что это уже существовавший корпус работ) вступает в контакт с научной дисциплиной (предполагается существовавшей ранее), что вносит искажающие последствия. Само предположение, что новый материализм создается как теория, противоречит его требованию анти-репрезентационизма. Следовательно, понимание нового материализма связано с полной детерриториализацией, он не является эпистемическим подходом с однозначным референтом. Новый материализм - это то, ради чего нужно работать [8].

Теория культуры менее связана дисциплинарными требованиями, чем (феминистская) социология, поэтому начала трансверсального понимания нового материализма следует искать в работе Сьюзан Шеридан «Слова и вещи: феминистские дебаты о культуре и материализме» (Sheridan, 2002). Не применяя термин «новый материализм», она утверждает, что влияние постструктурализма на феминистскую теорию культуры привело к смещению «первичности социально-экономических отношений в анализе женской ситуации» на примат «проблем сексуальности, субъективности и текстуальности». Шеридан утверждает, что этот кажущийся сдвиг основывается на неверном истолковании постструктуралистской теории, в которой слова и вещи разделялись (внезапно «слова» приобретали первенство), тогда как постструктурализм, если не считать его полемический напор и учитывать только его интерес к материальности, «демонстрирует, как неразделимы символическое и материальное при изучении дискурсивного построения «объектов» знания и материальных эффектов этой дискурсивной силы» (там же, 25). Другими словами, постструктурализм

и новый материализм в понимании Шеридан не следует рассматривать как оппозиции, и они не должны рассматриваться как теоретические шаги за пределами феминистского социологического материализма. Эта картография качественно отличается от той, что была представлена Рахман и Витц, и она находит подтверждение в работах французских постструктуралистских феминисток, таких как Элен Сиксу (1975), 2001), для которых одной из главных проблем, был репрезентационизм.

Шеридан, как и Брайдогги, позиционирует себя среди постструктуралистских феминисток, которые утверждали, что культурный конструктивистский феминизм «недостаточно материалистичен» (там же, 27) и которые атаковали «самоочевидные (эссенциальные) представления о бинарном разделении природа / культура» (там же, 28). Здесь постструктуралистская феминистская теория культуры, по-видимому, дуалистически противопоставлена «культурному конструктивизму». Можно сказать, что постструктуралистские феминистки критиковали культурный конструктивизм за «дематериализацию тела», тогда как критика с другой стороны, заключалась в том, что они работают с «ограниченным» «пониманием «дискурсивности», когда язык воспринимается как перформативный. В то же время признается, что постструктуралистская феминистская теория культуры атаковала редуктивный эссенциализм феминистской социологии (с акцентом на материальность), и культурный конструктивизм (с упором на культуральность). Выход из этих постоянно возникающих противоречий феминистской социологии и культурного конструктивизма, а также анализ упрощений, возникающих из-за зависимости от материи или дискурса, может продемонстрировать трансверсальность подхода. Другими словами, Шеридан утверждает, что рост новых исследований из позиции материализма в культурной теории показывает, что оба предыдущих подхода как культурного конструктивизма с его ориентацией на языковой детерминизм, так и социологически ориентированный феминизм, должны быть критически пересмотрены, поскольку игнорируют каждый по своему агентные качества материи. Прочтение Шеридан того, что она называет «новым этапом» (там же, см. Некман 2010, гл. 7 о «новом позиционировании») в феминистской теории, ориентирует нас не только на биологическую материальность или культурную теорию с ее анализом идей естественных наук, но также на материальность политической экономии, таким образом, качественно сближая материализм в смысле физики с противопоставленными ему социальностью или языком.

Дисциплинарная трансверсальность нового этапа характеризуется Стаси Аламо и Сьюзан Хекман (2008, 9-10, см. Squier and Littlefield 2004)

как новый материализм (в их определении «материальный феминизм»), который можно найти в таких дисциплинах как «исследования науки, экологические феминизмы, феминизмы анализирующие телесность, квир теория, исследования инвалидности, теории расы и этнической принадлежности, экологическая справедливость, (пост-) марксистский феминизм, исследования глобализации и исследования культуры». Все эти направления в качестве эпистемической тенденции вовлечены «в интеграцию того, что составляет новую парадигму для феминистской мысли. [...] эта парадигма появляется сейчас, и [...] является необходимым и вдохновляющим шагом для современного феминизма». В работе «Материальность знаний: феминистские дискурсы» Хекман (2010) показывает, что новый материализм следует искать во всех научных дисциплинах, он пересекает трансатлантический сбой связи между аналитической и континентальной философией и в этом процессе феминистская теория оказывается одной из первых.

Создавать новый материализм: играть с парадигмами

Демонстрируя работу нового материализма, то есть создавая новый материализм, а не полагаясь на новый материализм, как что-то готовое для последующего использования, Брайдотти (2000, 160) утверждает что то, что можно найти в теории постмодернистской культуры (т. е. корпус социально-семиотических конструктивистских теорий культуры, считающихся на глобальной карте классификаций, последним словом теории) является «отрицанием материальности телесного “я”» и находится в парадоксальном сочетании с быстрой циркуляцией чрезмерного количества теоретических дискурсов и культурных репрезентаций человеческого тела. Другими словами, культурная теория в эпоху постмодерна не смогла принять материальность и обнаружила себя в окружении чрезмерных репрезентаций (объективаций) телесного и не только телесного, органического и неорганического, но всегда уже феминизированного материального как в поп-культуре, так и в культурной теории. При этом Брайдотти защищает специфическую форму анти-эссенциализма постмодернистского конструктивизма, которая утверждает репрезентативность, хотя постмодернистский конструктивизм и несет ответственность за описанную любопытную ситуацию. Постмодернистский конструктивизм обнаруживается как парадигма, в которой пространство для материализма “ограничено”, по мнению Алистера Уэлчмана (Welchman, 2005), а постмодернистские теоретики культуры просто включены в огромную категорию «критиков, использующих обед-

невшую концепцию материи, унаследованную от не-материалистических систем мысли » (там же, 388). Постмодернистская культурная теория, созданная Кризисом Разума, по-видимому, все же продолжала работать на тех же основаниях, что и модернизм.

Как уже было сказано, новый материализм Брайдотти, который она также считает «телесным» или «плотским» материализмом (2006, 182), начинается с «энцефализированного делезианского субъекта», который является «складкой внешних воздействий и одновременным разворачиванием наружу» аффектов. Внешность и внутренность, субъект(ивность) и объект(ность), индивидуальное, социальное и символическое концептуализируются как со-конститутивные, а не предопределенные уровни или основания. Генеалогия делезианского субъекта создается в континентальной мысли; она включает в себя «кошмар Декарта», надежду Спинозы, жалобу Ницше, одержимость Фрейда, фантазмы Лакана, исключение Маркса» (Braidotti 2000, 159). Эта картография показывает, что новому материализму есть что сказать о Разуме и модернистской парадигме, также как о Кризисе Разума и постмодернистской парадигме. Другими словами, это та картография, которая открывает способы для качественного перехода от бинарных оппозиций. Это изменение происходит путем переосмысления материального. Утверждая вместо приоритета Разума радикальный смысл материализма или просто его радикальную имманентность, каким бы прилагательным его не определяли (пост-модернистским или нет), Брайдотти, однако, не определяет материю как заданную, стабильную или самоочевидную. Радикальная имманентная концептуализация материи обязательно подтверждает ее продолжающуюся «метаморфозу» (Braidotti 2002a) (или, по словам DeLanda (1996, 2002), ее продолжающийся «морфогенез»), поскольку процесс основан на производстве интенсивной материальности в ее действительных формах. Согласно философии радикальной имманентности, которая представлена бергсоновской концепцией времени (*durée*/длительность вместо линейности и прогресса), материя не рассматривается как Материя, «фотонегатив» Разума или Логоса, Разума или Представления, а скорее сама «длительность [вставлена] в материю» (Grosz, 2005, 111). Это, в основном, фокусирование на метаморфозе или морфогенезе:

То, что длится и глубоко переплетено со временем, это не то, что остается неизменным или тем же самым - платоновская сущность, но то, что разделяется и трансформируется во времени (Grosz, 2005, 110).

Это приводит к тому, что материя имманентно избегает всякой возможной репрезентации в модернистском, сциентистском значении, но также в постмодернистском, социальном или семиотическом конструктивистском смысле, согласно которому репрезентация не является научным «зеркалом природы», а скорее репрезентирует «зеркало культуры» (Barad 2007). В то время, когда модернистский научный материализм допускает одно Истинное представление материи, а постмодернистский культурный конструктивизм допускает множество одинаково истинных представлений, новый материализм подвергает сомнению сам подход репрезентационализма. Материя - это преобразующая сила в себе, которая в своих текущих трансформациях не позволит укорениться никакой репрезентации. Это также то, как Мигель де Бестеги (de Beistegui, 2004, 110) читает Делеза и Хайдеггера, вскользь заключая, что:

«Позади или, лучше говоря, под каждым объектом, под любой репрезентацией, под любой физической или метафизической идеальностью лежит феноменальность, которая есть плоть и кровь мира, и, которая продолжает жить через то, как она репрезентирована сама в себе. Она формируется так же, как живет» [9]

В работе «В чем значение [matter] феминистской критики?» Мариам Фрейзер принимает позицию нового материализма Брайдотти для анализа теории Джудит Батлер, которую Клэр Колбрук (Colebrook, 2004, 293) назвала воплощением современной (феминистской) постмодернистской культурной теории. Работа с репрезентацией и лингвистикой являются ключевыми для Батлер.[10] Фрейзер (Fraser, 2002, 613) полагает, что в ее теории язык заканчивается обращением к внешнему. Как следствие, внутреннее кажется принципиально не схватываемым, поскольку любое схватывание осуществляется через язык. Как же получается, что Барад и Вики Кирби (которых Фрейзер ставит рядом с Брайдотти как разрабатывающих новый материализм) принципиально меняют отношение между материей (matter/materiality) и языком, между внешним и внутренним телом? Ключевым моментом является отказ от предположений о тотальной лингвистичности и о том, кто производит речь / письмо. Для Барад (1998, 105) «то, что описывается нашими теориями, – это не сама природа, а наше участие в природе». Она вводит специальное понятие конститутивного проникающего действия (intra-action), объединяя наблюдателя, который также наблюдаем, и инструменты наблюдения – все стороны являются активно действующими (agential). В соответствии с этим, Кирби начинает с буквального по-

нимания материи, перечитывает Деррида и Соссюра, чтобы показать, что тщательное чтение их работ также раскрывает их особое внимание к материальности в ее трансформациях. В работе Кирби материя появляется не как то, о чем говорится, и не как то с чем говорится, но скорее как говорящее само по себе. Природа и культура, слово и плоть «все появляются в поле дифференциаций, которые не имеют никакого внешнего и никакого конечного смысла» (Kirby 1997, 126-7 цит. по Fraser 2002, 619). Оба случая трансверсальности влекут за собой отказ от примата либо языка / культуры, либо материи / природы. Другими словами, ложный дуализм нарушается. Новый материализм пересекает границы постмодернистских и модернистских парадигм, и показывает, что обе эпистемологии начинаются с того, что Колбрук (Colebrook, 2004, 56) назвала «дихотомией репрезентации / материальности». Вопросы этой дихотомии включали следующее:

Когда феминистки критиковали или отвергали понятие женщины, как погрязшее в материальном воплощении, они делали это, потому что материя считалась лишенной динамизма. Когда, впоследствии, эта фобия в отношении материи была поставлена под сомнение, то случилось это благодаря тому, что граница между мышлением и материей стала считаться следствием предшествующего лингвистического или социального производства. «Лингвистицизм», в свою очередь, был также оспорен, это произошло благодаря пониманию, что язык был ошибочно принят как фиксированная, определяющая и бесчеловечная сетка, навязанная жизни, а не жизненная сила (Colebrook 2008, 64).

Таким образом, как мы знаем из переопределившей парадигму работы Харауэй (1988, 595), ключ к новой материалистической парадигме – это акцент на «материально-дискурсивном» или «материально-семиотическом»:

[...] тела как объекты знания – материально-семиотические генеративные узлы. Их границы материализуются в социальном взаимодействии. Границы основаны на практике картографирования; «объекты» не пред-существуют как таковые. Объекты проектируются своими границами. Но границы очень сложны и смещаются изнутри. В таких границах по-прежнему сохраняются порождающие, продуктивные значения и тела. Установление границ крайне рискованная практика.

Утверждение является трансверсальным, когда речь идет о широких (модернистских и постмодернистских) парадигмах культурной теории. Фо-

кус на материализации тел и других, так называемых, объектах исследования, показывает как «длительность» фактически «встроена в материю». Так «дихотомия репрезентация / материальность» действительно была разобрана в новой материалистической теории культуры. В частности Брайдотти пришла к концептуализации тела как «куска мяса, активированного электрическими волнами желания, текстом, написанным разворачиванием генетического кодирования». Работа с «материально-семиотическими агентами», как называет их Харауэй, позволяет усложнить способ, которым материя приходит к определенности. Объект больше не является пассивным материалом, который должен быть репрезентирован; смыслообразование происходит на двухканальной дорожке. [11] Здесь также видно, что новый материализм не отменяет роли значения (см. Ахмед, 2008, 34), а скорее направляет его на должное место и тем ограничивает претензии лингвистического поворота, т.о. отменяя бинарные оппозиции.

В упомянутом выше отрывке, а также в других более поздних работах, Харауэй фокусируется на том, как взаимосвязано происходит научная сигнификация / репрезентация и материализация тел. Подходы нового материализма Харауэй утверждают то, что Барад (2007) назвала онто-эпистемологией или даже этико-онто-эпистемологией, согласно которой бытие, знание (и благо) становятся неразделимы. Вдохновленные Харауэй и Барад, мы, наконец, хотим обсудить методологию картографирования, которая порождает и порождается дисциплинарной и парадигматической трансверсальностью нового материализма.

Картография или классификация

Новый материализм – это культурная теория XXI века, которая демонстрирует, что постмодернистская культура с ее концептуализацией «пост» является дуалистической, не смотря на ее отрицание дуализма. Постмодернистская культурная теория повторила установку модерна, позволив трансцендентальным и гуманистическим традициям захватить культурную теорию после кризиса разума. Новый материализм осуществляет отход от (пост)модернизма и дает имманентный ответ на вопросы трансцендентального гуманизма. Эта культурная теория не опирается на прежние основания, но и не является релятивистской. В ряде интервью в первой части этой книги мы показали, что из этого аргумента можно многое извлечь; в конце концов, постмодернизм и модернизм разнородны, но при этом эпистемологически очень похожи друг на друга. Именно по этой причине новый материализм продолжает переписывать историю философии. Как уже го-

ворилось, маргинальная некогда традиция, предложенная Делезом, теперь широко читается и комментируется. С необходимостью мыслителям прошлого уделяется все больше внимания. Вовсе не обязательно ограничивать традицию набором персон или удерживать границы школ «истории философии» или «типов» мышления. Философы, работавшие в парадигме модернизма: Бергсон, Уайтхед, Уильям Джеймс и Эдмунд Гуссерль были прочитаны в рамках дуалистического мышления и нуждаются на сегодня в серьезных материалистических перепрочтениях, которые выполняются все более растущим числом ученых. Нет никаких причин исключать Гегеля из этого списка. Ибо, когда он объявил, что «он [дух] постигает себя не только в самом себе как идею, но и порождает как действительно существующий вовне мир свободы» (Гегель [1817], 1977, § 444), это не только очень близко подходит к решению проблемы ума и тела у Спинозы, но и позволяет нам переосмыслить материализм Маркса (в свою очередь вдохновленный Гегелем) в качестве (не-дуалистического) неоматериализма. Богатство всех этих философий в целом страдает от доминирующего дуализма, присущего в равной мере модернизму и постмодернизму. Способ, которым новый материализм задается в таком тексте, опирается на «длительность» не только в материальности (онтологии), но также и на теорию форм знания (эпистемологии). Другими словами, формирование теории также влечет за собой материализацию границ. На начальном этапе теория нуждается в картографии, а не классификации, чему и посвящена эта глава.

Во введении мы утверждали, что новый материализм не только предлагает думать в рамках теории становления другим способом, нежели через привычные классификации, (новый материализм приводит в движение небинарную эпистемическую практику), но также и позволяет нам понять, как обычно работает прежняя теория (в соответствии со схемой территориализации). Мы утверждали ранее, что классификация как принцип иллюстрирует территориальную целостность и полностью дуалистична, а в этой главе мы старались прояснить что, казалось бы, противоположные эпистемические тенденции на деле воспроизводят прежние оппозиции. Новый материализм критикует не только использование «дисциплины» или «парадигмы» в качестве незыблемых правил мышления, но предлагает демонтаж бинарных оппозиций, на которых держится строгая классификация теоретических программ и школ. Классификация эпистемических тенденций, которые предположительно приняты в культурной теории, подразумевает работу по территориальным линиям, которая представляет собой трансцендентальный жест с последующим призывом к негативности или прогрессизму (опять же дуальность). Это не позволяет разворачивать культурную

теорию материализации, методы нелинейного кодирования, а также показать как происходит схватывание и переопределение материи и значения. Новый материализм де-территориализирует способы классификации культурной теории, и этот процесс мы называем картографией. Мы упомянули выше, что Колбрук поставила под сомнение концептуализацию «языка» как «фиксированной, определяющей и бесчеловечной сетки, накладываемой на жизненные процессы». Она определила новый материализм как позволяющий нам видеть не только материю, но и язык как «активную силу». Поставив под сомнение фиксации можно открыть возможность мыслить формирование теории нелинейным, картографическим способом.

В работе Барад «Ре-конфигурация пространства, времени и материи» для нас может быть полезно объяснение перехода от классификации к картографии. Раньше мы уже использовали неологизм Барад «*интра-акция*» (intra-action) для того, чтобы показать, что такие термины, как мышление и материя, социология и новый материализм никогда не существовали по отдельности, они всегда были встроены в отношения друг с другом. Барад (2001, 98) объясняет механизм работы *интра-акции* следующим образом:

[...] структуры следует понимать как материально-дискурсивные феномены, которые перемещаются и воспроизводятся посредством продолжающихся материально-дискурсивных действий (intra-actions). Эта машина не является евклидовым устройством и не является статическим инструментом с неевклидовой геометрией. Это топологическое животное, которое мутирует через динамику внутривидовой активности. Вопросы связности, формирования границ и исключения (топологические проблемы) должны дополняться проблематизацией позиций и местоположений (что часто встречается в геометрических выражениях).

Вводя понятие онто-эпистемологии, Барад говорит о практиках картографирования, которые определяют границы, она настаивает, что те же объекты/границы (objects/boundaries) могут материализовываться в не исчерпывающих друг друга противоположных практиках картографирования (евклидово пространство в отношении к неевклидову пространству). Практика картографирования, генерирующая интра-акции и генерируемая через него, затрагивает оба варианта и работает в следующих направлениях:

То, что нам нужно, это генеалогии материально-дискурсивных аппаратов производства, которые учитывали бы интра-акции как

топологическую динамику, которая реконфигурирует пространственно-временное многообразие. В частности, важно, чтобы такие генеалогии включали анализ связности явлений в разных масштабах. [...] Топологическая динамика пространства, времени и значения (matter – это агентная материализация (agential matter) и, как таковая, требует этики познания и бытия. Различные интра-акции имеют потенциал сделать больше, чем обеспечивать геометрию власти, они открывают возможности для изменений в его топологии. Такие вмешательства в многообразных возможностях позволили бы переконфигурировать обе стороны бинарности. Пространство возможностей не представляет собой фиксированного горизонта событий, в пределах которого может быть установлена позиция знающего, это также не однородный набор вариантов выбора. Скорее, мы имеем дело с динамикой пространственно-временного многообразия, которая создается агентными интервенциями, делающими возможным саму реконфигурации (Барад, 2001, 103-104)

Эти генеалогии, или «картографии» в нашем словаре, являются небинарными подходами к формированию теории, которая допускает абсолютную детерриториализацию. Не в первую очередь заинтересованный в представлении, значении и дисциплине, новый материализм прежде всего очарован аффектом, силой, движением; и распространяется во всех направлениях. Новый материализм ищет не объективность вещей в самих вещах, а объективность их актуализации и реализации. Он наблюдает, как материя становится агентной реальностью, как материя и значение материализованы (matter is materialized). Его интересуют скорости и замедления – то как разворачивается «событие – между» в интра-акции, т.е. становлении материальности и значения одновременно. Новый материализм утверждает, что мы ничего не знаем о (социальном) теле, пока не поймем, что оно может делать. Это согласуется с изучением множества модусов природокультуры, которые мигрируют, словно вечный поток, которым он всегда и был.

[1] Такое картографирование нового материализма значительно пересекается с тем, что было сделано Мойрой Дж. Хирд (Hird, 2004, 2006), хотя мы (как и Барад в интервью, помещенном в этой книге) не утверждаем, что новый материализм вышел из-под земли в естественных науках, но отмечаем, что существуют разновидности феминистских применений нового материализма. В этой книге мы продемонстрируем, что новый материализм неизбежно

возникает как в естественных науках, так и гуманитарных, и каким образом это сразу становится феминизмом.

[2] Этот термин введен Барад в книге 2007.

[3] Это определение мы взяли у Гросс 2005.

[4] См. Тидеманн (Tiedemann, 2005) о понимании исторического материализма Бенямином 157–63.

[5] См. Дольфийн 2004, 24.

[6] См. Ван дер Туин 2009 о концептуализации 2ой и 3ей волн феминистской эпистемологии.

[7] См. критику биологического аргумента в новом материализме, Ван дер Туин 2008 и Дэвис 2009. Сравнение работ Сары Ахмед (2008) с Рахман и Витц показывает, что ни социологический, ни биологический уклон не могут избежать редукции. Новый материализм предлагает рассматривать биологическое и социологическое как взаимно конфигурирующее действие (intra-acting), т.е. как само отношение, а не как два независимых члена отношения, которые могут вступать во взаимодействие.

[8] Несмотря на то, что оригинальные и радикальные идеи Деланда вдохновили многих ученых во всем мире, его работы стоит критиковать за то, что отдельные ареалы его научного интереса не связаны между собой. Даже если учесть его революционное понимание геологии, биологии, социологии, архитектуры, математики или историографии (предположительно областей его экспертного знания), то сохранение самих дисциплинарных границ противоположно способу работы Делеза и других исследователей работающих в русле делезианской философии.

[9] Для удовлетворительного прочтения Хайдеггера необходимо, чтобы мы не рассматривали его концептуализацию «бытия» противоположно становлению (например, в смысле Уайтхеда), как предлагает Шавиро (2009, ix). Это возможно, если мы позволим себе другое прочтение предшествующих текстов. Ибо, когда в концептуализации «бытия» Хайдеггер ([1980], 1994, 66) утверждает: «Гегель привносит абсолютное беспокойство освобождения в прежнее спокойствие» - как «общее положение», он этим утверждает, что «бытие» и есть «непосредственность», которая позволяет нам понять, что бытие равно метаморфозе или морфогенетическим изменениям. «Феномен» Бейстегиу оказывается дополнительным доказательством отношения нового материализма (пока еще не изученного) с (новой) феноменологией.

[10] Хотя нельзя отрицать, что Батлер работает с лингвистическими подходами (linguisticism), но современные материалистические теоретики прочтывают ее в новой формации материалистической теории. Так работа Кирби «Джудит Батлер: "Life Theoguy"» 2006 года является отличным примером для нас, поскольку между строками на каждой странице читается попытка подтолкнуть Батлер за пределы лингвистики и тем самым к новому материализму. Кирби (2006, 162, № 2,) утверждает, что «[...] вклад Батлер в вопрос материализма совместим с ее политическим проектом, даже если приходится

радикально расширять устоявшиеся понятия». При этом Батлер сама часто подпитывает традиционный дуализм, устанавливая различия между новым феминистским материализмом и лингвистической феминистской теорией. В своей недавней работе «Фреймы войны: скорбная жизнь» Батлер (2009, 30) явно дистанцируется от спинозистских течений, которые так влиятельны, прежде всего, в современной австралийской феминистской (материалистической) теории (см. Kirby 2006, 150). Кроме того, когда Батлер утверждает, что тело раскрывается нами в соответствии с языком (она использует термин «междоусобицы языка» ([1987], 1999, 193)), это позволяет легко заключить, что лингвистика понимается ею как работа языка.

[11] Конкретные примеры можно найти в работах Gallagher (2005) и Massumi (2002).

Библиография

Барад К. Агентный реализм // *Опыты нечеловеческого гостеприимства*. М.: V-A-C press, 2018.

Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собраний. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

Брайдотти Р. Сексуальное различие как номадический политический проект // *Гендерная теория и искусство. Антология 1970-2000*. М.: РОССПЭН, 2005.

Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Собрание сочинений т. 4. Пер. Г.Шпет. Изд. Академии наук, 1957.

Гегель Г.В.Ф. Философия духа. Ред. Сидковский Е. М.: Мысль, 1977.

Деланда М. Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: HylePress, 2018.

Латур Б. Нового времени не было. Перевод. Д.Калугин. СПб: ЕУ СПб, 2008.
Мейасу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург-Москва: Кабинетный ученый, 2015

Сиксу Э. Хохот Медузы // *Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия* / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001.

Спиноза Б. Этика в Избранные сочинения в 2х томах. Госполитиздат 1957.
Харман Г. Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: HylePress, 2015.

References

- Ahmed, S. 2008. "Open Forum Imaginary Prohibitions: Some Preliminary Remarks on the Founding Gestures of the 'New Materialism'." *European Journal of Women's Studies* 15(1): 23–39.
- Alaimo, S and S. Hekman, eds. 2008. *Material Feminisms*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
- Barad, K. 2001. "Re(con)figuring Space, Time, and Matter," in *Feminist Locations: Global and Local, Theory and Practice*. Edited by M. DeKoven. New Brunswick: Rutgers University Press, 75–109.
- . 2003. "Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter." *Signs: Journal of Women in Culture and Society* 28(3): 801–31.
- . 2007. *Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Durham and London: Duke University Press.
- . 2010. "Quantum Entanglements and Hauntological Relations of Inheritance: Dis/continuities, SpaceTime Enfoldings, and Justice-to-Come." *Derrida Today* 3(2): 240–68.
- Benjamin, W. [1982] 2002. *The Arcades Project*. Translated by H. Eiland and K. McLaughlin. Cambridge and London: Belknap/Harvard University Press.
- Braidotti, R. 1991. *Patterns of Dissonance: A Study of Women and Contemporary Philosophy*. Cambridge: Polity Press.
- . 1994. *Nomadic Subjects: Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory*. New York: Columbia University Press.
- . 2000. "Teratologies," in *Deleuze and Feminist Theory*, edited by I. Buchanan and C. Colebrook, 156–72. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- . 2002a. *Metamorphoses: Towards a Materialist Theory of Becoming*. Cambridge: Polity Press.
- . 2002b. "Identity, Subjectivity, Difference: A Critical Genealogy," in *Thinking Differently: A Reader in European Women's Studies*, edited by G. Griffin and R. Braidotti, 158–80. London and New York: Zed Books.
- . 2006. *Transpositions: On Nomadic Ethics*. Cambridge: Polity Press.

—. 2008. "In Spite of the Times: The Postsecular Turn in Feminism." *Theory, Culture and Society* 25(6): 1–24.

—. 2011a. *Nomadic Theory: The Portable Rosi Braidotti*. New York: Columbia University Press.

Bryant, L., N. Srnicek and G. Harman eds. 2011. *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism*. Melbourne: re.press.

Butler, J. 1986. "Sex and Gender in Simone de Beauvoir's *Second Sex*." *Yale French Studies* 72: 35–49.

—. [1987] 1999. *Subjects of Desire: Hegelian Reflections in Twentieth Century France*. New York: Columbia University Press.

—. 1993. *Bodies that Matter: On the Discursive Limits of 'Sex.'* New York and London: Routledge.

—. 2009. *Frames of War: When is Life Grievable?* London and New York: Verso.

Butler, J. and J. W. Scott eds. 1992. *Feminists Theorize the Political*. New York: Routledge.

Cheah, P. 1996. "Mattering." *Diacritics* 26(1): 108–39.

Colebrook, C. 2002. *Understanding Deleuze*. Sydney: Allen and Unwin.

—. 2004. "Postmodernism is a Humanism: Deleuze and Equivocity." *Women: A Cultural Review* 15(3): 283–307.

—. 2008. "On Not Becoming Man: The Materialist Politics of Unactualized Potential," in *Material Feminisms*. Edited by S. Alaimo and S. Hekman, 52–84. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.

Coole, D. and S. Frost, eds. (2010). *New Materialisms: Ontology, Agency, and Politics*. Durham and London: Duke University Press.

Davis, N. 2009. "New Materialism and Feminism's Anti-Biologism: A Response to Sara Ahmed." *European Journal of Women's Studies* 16(1): 67–80.

de Beistegui, M. 2004. *Truth and Genesis: Philosophy as Differential Ontology*. Bloomington: Indiana University Press.

- De Boever, A., A. Murray, and J. Roffé. 2009. "'Technical Mentality' Revisited: Brian Massumi on Gilbert Simondon." *Parrhesia: A Journal of Critical Philosophy* 7: 36–45.
- DeLanda, M. 1996. "The Geology of Morals: A Neo-Materialist Interpretation." <http://www.t0.or.at/delanda/geology.htm> (13.09.2018).
- . 1997. *A Thousand Years of Nonlinear History*. New York: Zone Books.
- . 2002. *Intensive Science & Virtual Philosophy*. London and New York: Continuum.
- . 2006. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London and New York: Continuum.
- Fraser, M. 2002. "What is the Matter of Feminist Criticism?" *Economy and Society* 31(4): 606–25.
- Genosko, G. 1996. *The Guattari Reader*. Oxford and Cambridge: Blackwell.
- Grosz, E. [1993] 1994. "A Thousand Tiny Sexes: Feminism and Rhizomatics." In *Gilles Deleuze and the Theatre of Philosophy*, edited by C.V. Boundas and D. Olkowski, 187–210. London and New York: Routledge.
- . 1994. *Volatile Bodies: Toward a Corporeal Feminism*. Sydney: Allen and Unwin.
- . 2000. "Histories of a Feminist Future." *Signs: Journal of Women in Culture and Society* 25(4): 1017–21.
- . 2005. *Time Travels: Feminism, Nature, Power*. Durham and London: Duke University Press.
- Guattari, F. [1964] 1984. *Transversality. Molecular Revolution: Psychiatry and Politics*. Translated by R. Sheed. Harmondsworth: Penguin Books.
- Halewood, M. 2009. "Language, Subjectivity and Individuality," in *Deleuze, Whitehead, Bergson: Rhizomatic Connections*, edited by K. Robinson. London: Palgrave Macmillan, 45–60.
- Haraway, D. 1988. "Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective." *Feminist Studies* 14(3): 575–99.

- . 1997. *Modest_Witness@Second_Millennium. FemaleMan©_Meets_OncoMouse™*. London and New York: Routledge.
- . 2003. *The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness*. Chicago: Prickly Paradigm Press.
- . 2008. *When Species Meet*. Minneapolis: The University of Minnesota Press.
- Harding, S. 1986. *The Science Question in Feminism*. Milton Keynes: Open University Press.
- . 1991. *Whose Science? Whose Knowledge?* Milton Keynes: Open University Press.
- Harding, S. and U. Narayan. 2000. *Decentering the Center: Philosophy for a Multicultural, Postcolonial, and Feminist World*. Bloomington: Indiana University Press.
- Harris, G. J. 2003. "Afterword: Walk Like an Egyptian," in *Performing Transversally: Reimagining Shakespeare and the Critical Future*. Edited by B. Reynolds. New York and Basingstoke: Palgrave Macmillan, 271–86.
- Heidegger, M. [1980] 1994. *Hegel's Phenomenology of Spirit*. Translated by P. Emad and K. Maly. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
- Hekman, S. 2010. *The Material of Knowledge: Feminist Disclosures*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
- Hill, R. 2008. "Phallogentrism in Bergson: Life and Matter." *Deleuze Studies* 2 (supplement *Deleuze and Gender*. Edited by C. Colebrook and J. Weinstein): 123–36.
- Hird, M.J. 2004. "Feminist Matters: New Materialist Considerations of Sexual Difference." *Feminist Theory* (5)2: 223–32.
- . 2006. "Animal Transex." *Australian Feminist Studies* 21(49): 35–50.
- Hughes, A. and Witz, A. 1997. "Feminism and the Matter of Bodies: From de Beauvoir to Butler." *Body & Society* 3(1): 47–60.
- Johnstone, P.T. 1977. *Topos Theory*. London, New York and San Francisco: Academic Press.
- . 1982. *Stone Spaces*. Cambridge, New York and Victoria: The Press Syndicate of the University of Cambridge.

Kirby, V. 1997. *Telling Flesh: The Substance of the Corporeal*. New York and London: Routledge.

—. 2003. "Enumerating Language: 'The Unreasonable Effectiveness of Mathematics'." *Configurations* 11(3): 417–39.

—. 2006. *Judith Butler: Live Theory*. London and New York: Continuum.

—. 2008a. "Subject to Natural Law: A Meditation on the 'Two Cultures' Problem." *Australian Feminist Studies* 23(55): 5–17.

—. 2008b. "Natural Convers(at)ions: or, what if Culture was really Nature all along?," in *Material Feminisms*, edited by S. Alaimo and S. Hekman. Bloomington: Indiana University Press, 214–36

—. 2010. "Original Science: Nature Deconstructing Itself." *Derrida Today* 3.2: 201–20.

—. 2011. *Quantum Anthropologies: Life at Large*. Durham and London: Duke University Press.

Lakoff, G. and R.E. Nьсез. 2000. *Where Mathematics Comes From: How the Embodied Mind Brings Mathematics into Being*. New York: Basic Books.

Massumi, B. 2002. *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation*. Durham and London: Duke University Press.

Nelson, L. H. 1993. "Epistemological Communities," in *Feminist Epistemologies*, edited by L. Alcoff and E. Potter. New York: Routledge, 121–59.

Rahman, M. and A. Witz. 2003. "What Really Matters? The Elusive Quality of the Material in Feminist Thought." *Feminist Theory* 4(3): 243–61.

Rossini, M. 2006. "To the Dogs: Companion Speciesism and the New Feminist Materialism." *Kritikos: An International and Interdisciplinary Journal of Postmodern Cultural Sound, Text and Image* 3. <http://intertheory.org/rossini> Last accessed: April 8, 2008.

Serres, M. with B. Latour. 1995. "Third Conversation: Demonstration and Interpretation," in *Conversations on Science, Culture, and Time*, 77–123. Ann Arbor: The University of Michigan Press.

Shaviro, S. 2009. *Without Criteria; Kant, Whitehead, Deleuze and Aesthetics*. Cambridge, Mass. and London: The MIT Press.

- Sheridan, S. 2002. "Words and Things: Some Feminist Debates on Culture and Materialism." *Australian Feminist Studies* 17(37): 23–30.
- Squier, S. and M. M. Littlefield. 2004. *Feminist Theory and/of Science: Feminist Theory Special Issue*. *Feminist Theory* 5(2): 123–6.
- Thornham, S. 2000. *Feminist Theory and Cultural Studies: Stories of Unsettled Relations*. London: Arnold.
- Tiedemann, R. 2005. "Historical Materialism or Political Messianism? An interpretation of the thesis "On the Concept of History," in *Walter Benjamin: Critical Evaluations in Cultural Theory*, edited by P. Osborne. New York: Routledge, 137–69.
- van der Tuin, I. 2008. "Deflationary Logic: Response to Sara Ahmed's 'Imaginary Prohibitions: Some Preliminary Remarks on the Founding Gestures of the 'New Materialism.'" *European Journal of Women's Studies* 15(4): 411–6.
- . 2009. "'Jumping Generations': On Second- and Third-Wave Feminist Epistemology." *Australian Feminist Studies* (special issue: *Generation: On Feminist Time-Lines*. C. Colebrook and R. Braidotti) 24(59): 17–31.
- . 2011. "'A Different Starting Point, a Different Metaphysics': Reading Bergson and Barad Diffractively." *Hypatia: A Journal of Feminist Philosophy* 26(1): 22–42.
- Welchman, A. 2005. "Materialism," in *The Edinburgh Dictionary of Continental Philosophy*, edited by J. Protevi, 388–91. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Wiegman, R. 2002. *Women's Studies On Its Own: A Next Wave Reader in Institutional Change*. Durham: Duke University Press.
- Wilbert, C. 2006. "Profit, Plague and Poultry: The Intra-active Worlds of Highly Pathogenic Avian Flu." *Radical Philosophy* (September/ October 2006). http://www.radicalphilosophy.com/default.asp?channel_id=2187&editorial_id=22192 (accessed June 11, 2009).